

RU

Принцип соборности и взаимоотношения духовенства и паствы в православных приходах Российской империи второй половины XIX – начала XX в.

Матушанская Ю. Г., Кутрунов А. А., Тулянская Ю. Т.

Аннотация. Цель исследования – показать, насколько соборность как принцип реализуется в эмпирической ситуации, на примере исторического кейса. В статье рассматривается концепция соборности в русской религиозной философии и анализируются взаимоотношения духовенства и паствы в православных приходах на рубеже XIX и XX вв. Научная новизна статьи заключается в постановке вопроса о том, возможна ли реализация принципа соборности эмпирически, в конкретном историческом моменте, в реально существующей общине. Полученные результаты показали, что были как положительные примеры практической реализации принципа соборности, так и негативные тенденции (взаимный контроль паствы и духовенства) и что богословская категория соборности не носит социального характера.

EN

Conciliarism Principle and Interrelation of the Clergy and the Laymen in Orthodox Parishes of the Russian Empire in the Second Half of the XIX – at the Beginning of the XX Century

Matushanskaya Y. G., Kutrunov A. A., Tulyanskaya Y. T.

Abstract. The paper examines realization of the conciliarism principle by concrete historical material. The article considers interpretation of the “conciliarism” concept in the Russian religious philosophy and analyses interrelation of the clergy and the laymen in Orthodox parishes at the turn of the XIX-XX centuries. Scientific originality of the study lies in the fact that the authors try to answer the question whether the conciliarism principle can be implemented empirically, within a certain historical period and within a certain parish. The following conclusions are justified: communal lifestyle has its positive and negative aspects, such as mutual control among the clergymen and the laymen; conciliarism is a theological, not social category.

Введение

Отношения духовенства и паствы являются одним из важных компонентов, которые составляют повседневность православного прихода и характеризуют его жизненный мир. Коммуникация между ними дает определенную информацию о представлениях клира и мирян касаясь их роли и места в системе храмовой общины. Данный вопрос интересен также тем, что помогает отчасти объяснить причины явлений и процессов, которые коснулись Русской православной церкви в начале XX в., и логику развития отношений в указанный период между церковью и обществом в целом. Перед нами стоял вопрос: возможна ли реализация соборности эмпирически, в конкретном историческом моменте, в реально существующей общине, или это понятие относится только к мистической церкви? В наши дни в конкретных общинах стремление реализовать идеал соборности выражается в попытках ввести самоуправление или активное участие прихожан в делах прихода. Данные тенденции усиливаются, и этим обусловлена актуальность исследования.

Теоретическая база исследования. Соборность – одна из важных концепций эkkлeзиологической мысли русской религиозной философии, введенная в оборот А. С. Хомяковым, у которого она была неразрывно связана с его славянофильскими взглядами, и получившая освещение в работах последующих русских религиозных философов как в период «русского религиозного ренессанса» (С. Н. Булгакова, И. А. Ильина, Н. О. Лосского, В. В. Розанова, В. С. Соловьёва, П. А. Флоренского), так и за рубежом (Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, В. В. Бычкова), и уже в настоящее время ставшая предметом анализа в исследованиях С. С. Аверинцева, А. В. Гулыги, С. С. Хоружего и др.

Анализ научной разработанности темы. Из современных исследователей темы можно назвать А. В. Мищенко [7], В. Н. Лугового [6], Л. А. Петрову [8].

В настоящее время имеются альтернативные позиции и подходы, так, архим. Феогност Пушков утверждает в своем видеоматериале [9], что соборность не является категорией святоотеческой экклезиологии, что это «неверный перевод» понятия «кафоличность», что также означает не «вселенскость» в смысле количества, а истинность, целостность, неповрежденность. Архим. Феогност считает, что «рецепция» в делах управления церковью только вредит и порождает расколы.

Мы ставили перед собой следующие задачи:

- 1) рассмотреть историческое развитие концепции «соборность» в русской религиозной философии;
- 2) рассмотреть кейс взаимоотношений духовенства и паствы в православных приходах Российской империи второй половины XIX – начала XX в.

Методы исследования. Были использованы: исторический метод, метод кейса, метод сравнительного анализа.

Практическая значимость исследования. Полученные результаты могут применяться в подготовке лекций, семинаров, спецкурсов по русской религиозной философии, религиоведению, истории Русской православной церкви, как элемент могут быть включены в религиоведческие исследования внутренней жизни и самоуправления приходов (общин).

Историческое развитие концепции «соборность» в русской религиозной философии

А. С. Хомяков, введший понятие соборности в оборот русской религиозной философии, утверждал, что «в вопросах веры нет различия между ученым и невеждой, церковником и мирянином, мужчиной и женщиной, государем и подданным, рабовладельцем и рабом, где, когда это нужно, по усмотрению Божию, отрок получает дар видения, младенцу дается слово премудрости, ересь ученого епископа опровергается безграмотным пастухом, дабы все было едино в свободном единстве живой веры, которое есть проявление Духа Божия» [13, с. 217]. Он настаивал на том, что мистическая церковь всегда соборна, при этом сам он не ограничивал применение принципа соборности только высшим, духовным и мистическим планом, но и полагал, что желательнее, чтобы соборность высшего порядка реализовывалась и в видимой, эмпирической, земной церкви. А. С. Хомяков связывал идею соборности с идеей древнерусской общинности, отождествляя термин «соборность» с понятием «лад». Общинные принципы древнего и современного им русского народа, крестьянства славянофилы видели в терминах «вече», «земский собор», община как мир, также важным было понятие «народность». Славянофилы вслед за А. С. Хомяковым придали религиозной категории философский характер, и в дальнейшем отечественные религиозные философы рассматривали ее уже в рамках философии.

«Церковь мистическая действует всегда соборно, в высшем смысле этого слова, но, конечно, желательнее, чтобы эта высшая соборность применялась и к потребностям Церкви видимой в ее земном проявлении» [14, с. 15]. Данное понимание соборности соответствовало древнерусскому понятию «лад» и было неразрывно связано с общинной жизнью русского народа.

Общим для понимания принципа «соборности» как у А. С. Хомякова, так и последующих мыслителей было то, что это свойство присуще именно либо (в трактовке славянофилов) русскому народу, либо, в интерпретации религиозных философов, восточной церкви, православию. Собственно, по мнению славянофилов, и усвоить соборность возможно исключительно в православной церкви. Соборность противостоит эгоизму, индивидуализму. Это подтверждает и тот факт, что православная церковь включает автокефальные поместные церкви и управляется не единолично папой, но собором. Она не повинуете внешней власти. Это, считал А. С. Хомяков, и есть основной принцип православной церкви.

В католицизме, считали авторы, развивавшие идею соборности, наличествует авторитарность, у протестантов же преобладает индивидуализм, и тем и другим западным христианам чужда соборность как таковая. «Соборность противоположна и католической авторитарности, и протестантскому индивидуализму, она означает коммюнитарность, не знающую внешнего над собой авторитета, но не знающую и индивидуалистического уединения и замкнутости» [1, с. 13].

При этом соборность (и всеединство – термин, введенный В. С. Соловьевым и являющийся развитием понятия соборности, как вселенское космическое единство) – это противоположность не только индивидуализма, но и коллективизма. Коллектив полагался объективированной общностью, ложной формой объединения личностей и ложной самоидентификацией личности, которая утрачивает свободу, становясь объектом манипуляций, и в конечном итоге должна преодолеть отчуждение (как греховность) и вернуться в соборность церковного сознания.

Как уже упоминалось, В. Соловьев развил понятие соборности до концепции всеобщей церкви, соединенной по принципу высшего синтеза, слияния без разрушения самобытности. С. Булгаков определял соборность как многоединство, отрицание всяческого бюрократического централизма. «И автокефальность православия... соответствует современному духу гораздо больше, нежели римский централизм, подклонить под который все народные церкви становится все более утопичным» [4, с. 212].

Считается, в частности это утверждал Н. А. Бердяев, что соборность сверхвременна, мистична, иррациональна, не подлежит пространственно-временным ограничениям и объективации. Поскольку сверхрациональна сущность Бога, иррациональна и мистическая суть соборности [1, с. 130].

Вслед за С. Трубецким, который ввел понятие Софии (то есть соборного сознания), С. Хоружий рассуждает о соборной природе сознания, которое реализуется через индивидуальные сознания личностей: «Сознание

имеет соборную форму. Оно отнюдь не принадлежит индивидууму как таковому, но только реализуется, осуществляя свою работу через индивидуума и в индивидууме» [15, с. 14].

С. Н. Булгаков [2-4] и П. А. Флоренский вернули понятию «соборность» богословское, экклезиологическое значение. Г. Флоровский утверждал, что «соборность в понимании Хомякова, это – не человеческая, а Божественная характеристика» [10, с. 277]. Архимандрит Киприан (Керн) полагал, что соборность носит евхаристический, а не социально-философский характер.

Взаимоотношения духовенства и паствы

в православных приходах Российской империи второй половины XIX – начала XX в.

Рассмотрим, как происходило взаимодействие мирян и духовенства в эмпирической реальности, и насколько имела место реализация принципа соборности в российских приходах конца XIX в.

Контакты священнослужителей и паствы касались различных сторон приходской жизни, в частности духовно-нравственной сферы, богослужений, требоисправлений, просветительской, образовательной, миссионерской и благотворительной деятельности, обустройства храма, финансового обеспечения причта и т.д. Рассматриваемый вопрос отличается многоаспектностью, что навряд ли позволит сделать его обобщающую характеристику. Поэтому будет целесообразно объединить взаимоотношения приходского духовенства и прихожан в две большие группы – духовные и материальные. Необходимо заметить, что эти сферы коммуникации в приходской жизни зачастую пересекались, примером чего может служить благотворительная и образовательная деятельность, которые имели под собой духовное основание – их реализация зависела от того, насколько важным считали их прихожане и духовенство для собственного духовного развития, – и которые не могли обойтись без соответствующего финансового подкрепления.

Духовная составляющая отношений духовенства и паствы включала не только вопросы, связанные с богослужебной практикой, но еще и проблемы духовно-нравственного характера, причем контроль в данной сфере был обоюдным. Священнослужители следили за уровнем благочестия своих прихожан, частотой исполнения долга исповеди и Святого Причастия, пытались вразумлять мирян в случае обнаружения неблагоприятных поступков. Тем не менее в данном случае пастырь, несмотря на наличие механизмов духовного воздействия на паству, был довольно ограничен. Как утверждает А. Г. Фот, старания приходского духовенства ответственно нести свою службу зачастую могли вызвать противодействие со стороны прихожан. Причем даже духовникам, которые были достаточно авторитетны в общине, не получалось убедить пастыря отказаться от своих привычек и развлечений ради благочестивой жизни. Клирики были вынуждены мириться с обычаями прихожан во избежание конфликтов с ними, которые могли негативно сказаться на финансовом благополучии причта. Так, члены причта одного из храмов города Оренбурга характеризовали подобную ситуацию довольно лаконично: «Иной раз наставлять – остаться без пропитания» [11].

Описанное явление иллюстрирует пример тесного переплетения духовной и материальной сторон взаимоотношений причта и прихожан. Клирики не могли в полной мере влиять на общину во многом из-за материальной зависимости от нее: в течение службы при определенном храме они вынуждены были преодолевать собственные бытовые проблемы при помощи прихожан. В результате деформировались роль приходского священнослужителя, который стал понимать свое служение как ремесло, и представления о нем прихожан, которые постепенно воспринимали его как исполнителя своих треб. Здесь, безусловно, «соборное сознание» не проявляло себя, а взаимодействие между прихожанами и клиром выливалось в контроль и недовольство со стороны прихожан.

Часто конфликты между прихожанами и клиром возникали по вопросу исправления треб и проведения церковных служб. Как отмечает В. Ф. Шевцова, большая часть верующих в православных приходах Российской империи обладала довольно высоким уровнем обрядового благочестия, хотя нередко отношение к требам и таинствам у мирян могло иметь магический характер. По мнению исследователя, имевшие довольно идеализированные представления о священстве (что тоже говорит о некоем идеальном образе в «соборном сознании») прихожане не выносили небрежения и несвоевременности в исполнении пастырем треб и таинств, особенно если это казалось крещения больных детей, исповеди и причастия умирающих. Жалобы епархиальному начальству со стороны мирян также поступали в случаях, если священники прерывали богослужения громкими приказаниями псаломщику, совершали явные ошибки в богослужении, сокращали его или начинали с опозданием, публично осуждали и увещевали конкретного прихожанина в проповеди и т.д. Священники могли брать высокую плату за требы, что также вызывало недовольства. Иногда священники вовсе отказывались выполнять требы прихожан, что, как правило, случалось, если для их отправления нужно было выезжать ночью, в ненастную погоду или на дальнее расстояние. Нередко отказ иерея исполнить требу был вынужденной мерой, чтобы заставить жителей выплатить задолженность по руге или оговоренному жалованию, то есть этот вопрос также имел финансовую подоплеку [16, с. 130].

Тем не менее имелись и положительные явления коммуникаций в духовной сфере клира и мирян. Для второй половины XIX – начала XX в. были характерны внебогослужебные беседы, проходившие в неформальной обстановке. Это был новый тип проповеди, при котором использовались ставшие популярными в то время «волшебные фонари». Во многих приходах это стало распространенной практикой религиозного образования взрослых. Данные беседы среди прихожан были настолько востребованы, что всех их не удавалось усадить в храме. Кроме того, многие клирики отмечали благоприятное воздействие такой формы общения на мирян: они более активно посещали богослужения и участвовали в таинствах [Там же, с. 128].

Нужно также сказать, что и прихожане следили за духовно-нравственным состоянием причта, что также можно рассматривать как проявление «соборного сознания». Стоит признать, что не каждому представителю духовенства удавалось последовательно придерживаться жесткого морально-нравственного канона, который предписывался данному сословию. Так, Т. Г. Леонтьева считает, что во второй половине XIX – начале XX в. «так называемое неканоническое поведение становилось привычным для духовенства» [5, с. 143]. Довольно частой девиацией среди духовенства был алкоголизм, который мог являться следствием профессионального выгорания клириков, однако при этом еще и подкреплялся некоторыми обычаями прихожан. Тем не менее, если вредная привычка препятствовала нормальному ходу богослужбной жизни, то это вызывало негативную реакцию у прихожан. Всерьез недовольные своим пастырем члены общины могли отправить правящему архиерею прошение о его удалении из прихода. Как правило, епархиальное начальство удовлетворяло просьбу мирян и ставило на приход нового священнослужителя. Однако необходимо сказать, что прихожане, кроме того, что подавали обоснованные жалобы на неканоническое поведение клира, также выражали свое неудовлетворение и по незначительным поводам. Посредством подобных действий община в определенных случаях рассчитывала избавиться от неугодного ей пастыря. К концу XIX в. в некоторых епархиях ощутимо возросло количество письменных претензий прихожан к священникам по маловажным житейским причинам. По мнению А. Г. Фот, данный факт свидетельствует о том, что клирики в большинстве своем потеряли к указанному периоду способность оказывать духовно-нравственное влияние на мирян [11, с. 105].

Тем не менее в православных приходах второй половины XIX – начала XX в. можно обнаружить и противоположные тенденции. Так, В. Ф. Шевцова убеждена, что приходской священник являлся авторитетом для общины, причем не только в богослужбных, но и в мирских, бытовых делах. Например, к нему обращались в случае возникновения разногласий внутри общины или же советовались с ним по медицинским, сельскохозяйственным и ветеринарным вопросам [16, с. 129]. Также имелись случаи отстаивания прихожанами интересов почитаемого ими клирика перед правящим архиереем, сохранились многочисленные свидетельства глубокой привязанности общины к своему пастырю. Несмотря на то, что примеры доброжелательных отношений между духовенством и мирянами в контексте конкретной епархии попадаются редко (возможно, это объясняется тем, что в церковном делопроизводстве преимущественно отражены из ряда вон выходявшие случаи в жизни приходов), они демонстрируют, что священнослужители могли достичь положительных результатов в коммуникации с прихожанами, хотя это во многом зависело от личностных качеств первых. В определенной степени это также можно было бы рассматривать как проявление принципа соборности в конкретной эмпирической реальности русского прихода.

Что касается материальной стороны взаимоотношений духовенства и паствы, то необходимо сказать, что преимущественно в европейской части России до 1917 г. священно- и церковнослужители содержались за счет прихожан, хотя при этом в бедных областях страны приходским причтам полагалась государственная финансовая помощь. Соответственно, во многих областях формы и размер финансового обеспечения клира прописывались в договорах между ним и прихожанами – «приговорах». Такие соглашения заключались и до реформ Александра II, однако наиболее распространенными они стали именно во второй половине XIX – начале XX в. Правда, многие священники жаловались, что эти договоренности не соблюдались. Одна из проблем, связанных с приговорами, состояла в том, что в их заключении обычно участвовали сельские сходы, а не приходские собрания, причем в сходах могли иметься люди, негативно относящиеся к конкретным священнослужителям или церкви в целом. Причт зачастую жаловался гражданским властям, надзирающим за крестьянством, на неисполнение приговора, однако такие действия могли серьезно подорвать моральные основания приходской жизни. В течение революции 1905-1907 гг. крестьяне под влиянием левых идей могли в одностороннем порядке изменить условия приговора. Однако, по мнению В. Ф. Шевцовой, не всякое изменение приговора или аннулирование его было непременно антицерковным актом. В некоторых ситуациях это свидетельствовало о растущем самосознании крестьян как членов своего прихода, которые воспринимали процесс обсуждения приговора в качестве возможности участия в управлении делами приходской церкви [Там же]. Подобное явление следует рассматривать в духе времени: крестьяне, находившиеся под влиянием модернизационных процессов, происходивших в российском обществе, желали большей независимости в принятии различных решений.

Заключение

Таким образом, взаимоотношения прихожан и клира во второй половине XIX – начале XX в. качественно изменялись. Миряне пытались еще больше воздействовать на дела прихода и контролировать их, однако размытость границ прихода и села сказывалась негативным образом на коммуникацию общины и духовенства. Роль священников в приходах была неоднозначной: с одной стороны, они являлись центральными фигурами в жизни своих храмов, пользовались уважением прихожан, внедряли новые формы просветительно-проповеднической деятельности, с другой – постепенно теряли духовно-нравственное и организационное влияние на них, чему способствовали как материальная зависимость служителей от паствы, так и изменение сознания мирян в модернизирующемся социуме. При этом нельзя не отметить положительные тенденции и позитивное влияние, активность позиции мирян в делах прихода. Именно эту активную позицию и идеализированное представление о роли и образе священника, из которого исходили миряне, требуя от своего клира безупречного поведения, можно в той или иной степени считать несовершенным, но все же проявлением принципа соборности в конкретной эмпирической реальности русского прихода.

Исследовав представление о соборности и определенный пласт реальной практической жизни русского прихода, можно отметить как положительные примеры практической реализации принципа соборности

(активность паствы в решениях приходских дел, обличение прихожанами духовенства в случае несоответствия последнего идеальному образу), так и негативные тенденции (взаимный контроль паствы и духовенства). Очевидно, что богословская категория соборности, носящая, как указывал архимандрит Киприан (Керн), евхаристический, а не социально-философский характер (в данном случае важно, что не социальный), не может быть реализована в практической жизни напрямую, в отличие от утверждений А. С. Хомякова, что русская община (мир) по этому принципу и жила. Скорее в российском приходе на рубеже XIX-XX вв. реализовывались попытки следовать принципам мира, коллегиального управления сообществом с поправкой на социальные и психологические проблемы священства и прихожан.

Результаты исследования могут быть дополнены на материале кейсов самоуправления и взаимоотношения паствы и клира как более позднего периода (XX в.), так и современных (XXI в.), а также могут быть исследованы различные подходы к концепции соборности в современном дискурсе.

Список источников

1. Бердяев Н. А. Русская идея // Мыслители русского зарубежья: антология / сост. А. Ф. Замалева. СПб.: Наука, 1992. С. 5-134.
2. Булгаков С. Н. Два града: исследование о природе общественных идеалов / изд. подг. В. В. Сапов. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманит. ун-та, 1997. 589 с.
3. Булгаков С. Н. Православие. К.: Научна думка, 1991. 367 с.
4. Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения православной церкви. Париж: ИМКА-пресс, 1989. 403 с.
5. Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX - начале XX вв. М.: Новый хронограф, 2002. 272 с.
6. Луговой В. Н. Идеал соборности в русской религиозной философии XIX-XX веков [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideal-sobornosti-v-russkoy-religioznoy-filosofii-xix-xx-vekov> (дата обращения: 31.08.2020).
7. Мищенко А. В. О соборности как понятии духовном, религиозном и философском [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sobornosti-kak-ponyatii-duhovnom-religioznom-i-filosofskom> (дата обращения: 31.08.2020).
8. Петрова Л. А. Концепция соборности А. С. Хомякова в контексте представлений о единстве и множественности в византийской философии [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-sobornosti-a-s-homyakova-v-kontekste-predstavleniy-o-edinстве-i-mnozhestvennosti-v-vizantiyskoy-filosofii> (дата обращения: 31.08.2020).
9. Феогност, архим. Терминология: соборность, кафоичность, универсальность, вселенскость [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/Ox1DdItZDA> (дата обращения: 31.08.2020).
10. Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Вильнюс, 1990. 599 с.
11. Фот А. Г. Повседневная жизнь православного приходского духовенства Оренбургской епархии во второй половине XIX - начале XX вв.: дисс. ... к. ист. н. Оренбург, 2017. 325 с.
12. Хомяков А. С. О старом и новом: статьи и очерки / под общ. ред. Г. М. Фридендера. М.: Современник, 1988. 465 с.
13. Хомяков А. С. Полное собрание сочинений: в 8-ми т. Прага: Артия, 1867. Т. 2. 410 с.
14. Хомяков Д. А. Собор, соборность, приход и пастырь. Саратов: Благовест, 1996. 30 с.
15. Хоружий С. С. Хомяков и принцип соборности // Хоружий С. С. После перерыва. Пути русской философии. СПб.: Алетейя, 1994. С. 5-19.
16. Шевцова В. Ф. Православие в России накануне 1917 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. 488 с.

Информация об авторах | Author information

Матушанская Юлия Григорьевна¹, д. филос. н., доц.

Кутрунов Александр Александрович²

Тулянская Юлия Тихоновна³, к. филос. н.

^{1, 2, 3} Казанский (Приволжский) федеральный университет

Matushanskaya Yuliya Grigoryevna¹, Dr

Kutrunov Alexander Alexandrovich²

Tulyanskaya Yuliya Tikhonovna³, PhD

^{1, 2, 3} Kazan (Volga region) Federal University

¹ jgm2007@yandex.ru, ² aleksandr.kutrunov@yandex.ru, ³ nille@inbox.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 23.12.2020; опубликовано (published): 15.03.2021.

Ключевые слова (keywords): соборность; всеединство; православный приход; клир; духовенство; conciliarism; pan-unity; Orthodox parish; clergy; priesthood.